

Вій Шёпот

Тишини не существует

18+

Вій Шёпот

Тишини не существует

«Автор»

2026

Шёпот В.

Тишины не существует / В. Шёпот — «Автор», 2026

Она слышит то, чего не слышат другие. Не мысли. Страхи. Чужие, тёмные, искажённые. Они приходят по ночам. Шепчут. Кричат. Их нельзя заглушить. Мать сдала её в интернат. Одноклассники травят. Единственный, кто не отворачивается — парень, в котором нет ничего. Ни страха. Ни чувств. Ни души. Однажды под дверью появляется письмо. Без подписи. «Приезжай. Узнаешь правду». Силенция едет. Не зная, что правда окажется страшнее любых голосов. Что тот, кто её ждёт, знал о ней всё с самого начала. Ей шестнадцать. Она думает, что сходит с ума. Но правда хуже. Правда в том, что она — не случайность. Она — чей-то план, вынашиваемый годами. И чем ближе она к разгадке, тем громче голоса. А тишины, которую она так искала, не существует.

Вій Шёпот

Тишины не существует

Тишины не существует

Глава 1. Чудовища и тишина

Силенция не любила вспоминать тот день. Но голоса заставляли.

Они всегда начинали с малого. С укола где-то под рёбрами. С липкого чувства, что сейчас что-то случится. А потом — картинка. Чёткая, как старая фотография, которую рассматриваешь в дрожащих руках.

Тогда ей было семь.

Она сидит на коленях перед дверью маминей спальни. Щёки мокрые, кулачки сжаты, а в груди — колючий ком, который не проглатывается и не выкашливается.

— Мама, открой, пожалуйста. Я больше не буду. Я не знаю, как это получилось.

За дверью — тишина. И всхлипы. И тяжёлое, прерывистое дыхание человека, который пытается не закричать.

Так обычно и начиналось. Щиплет под рёбрами — и вот она уже снова там, в коридоре, пахнущем пылью и старыми обоями.

Силенция помнит каждую деталь. Как скрипнула половица, когда она переступила с колен на пятки. Как мамин голос — чужой, сломанный — прозвучал из-за двери:

— Ты... ты не можешь знать, о чём я думаю. Ты не должна. Это ненормально.

А Силенция не понимала, что сделала не так. Мама спросила: «Где мои ключи?» — и Силенция ответила: «Ты же знаешь, они в прихожей, в левом кармане твоей куртки». Но мама не задавала этот вопрос. Она только подумала его. А Силенция почему-то услышала.

Как? Она не знала.

— Ты чудовище, — прошептала мать перед тем, как захлопнуть дверь.

И вот тут голоса обычно начинали шептать. Комментировать, ковыряя старые раны.

Силенция просидела под дверью до темноты. Стучала, пока костяшки не побелели. Шептала: «Мама, пожалуйста, мне страшно, не оставляй меня одну». За дверью молчали.

Уже ночью она услышала, как мама звонит кому-то и говорит: «Заберите её. Куда угодно. Я больше не могу. Я боюсь свою дочь».

На следующий день приехала машина.

Силенцию увезли в интернат. Она не плакала, а лишь смотрела в окно на маму, которая стояла на крыльце и даже не махнула рукой. Она думала: «Почему? Что я сделала не так?»

Но вопрос так и остался без ответа.

— Опять эту трусиху вспоминаешь? — голос ворвался в воспоминание, как нож в масло. Мужской, противный, насмешливый. — Она тебе никто. Бросила, как щенка. Зачем о ней думать?

Силенция вздрогнула и вернулась в настоящее.

Она сидела на подоконнике в пустом коридоре интерната. За окном — серое небо и голые деревья. Никого рядом. Только этот голос.

— Кто ты? — шепнула она.

— Неважно. Важно, что я теперь буду с тобой. Всегда. Привыкай.

Этот голос появился неделю назад.

С тех пор он не замолкал, комментируя всё: как она ест, как ходит, как отвечает на уроках. Смеялся над одноклассниками. Шептал гадости про учителей. А по ночам, когда Силенция закрывала глаза, он становился тише — и от этого страшнее.

— Спи-спи, — шептал он тогда. — Я никуда не уйду.

Она боялась этого голоса сильнее, чем мать боялась дочери, потому что от этого голоса нельзя было закрыться в комнате. Нельзя было убежать. Он был внутри.

Сегодня голос проснулся особенно злым.

Утром, ещё до завтрака, он принялся комментировать каждое её движение: «Плохо причесалась», «Форма дурацкая», «Одноклассники тебя ненавидят».

На первом уроке, когда она подняла руку ответить, он прошептал: «Не позорься, ты же ничего не знаешь». Силенция опустила руку и промолчала. Учительница поставила «тройку» за неуверенный ответ.

— Молодец, — усмехнулся голос.

К третьему уроку у Силенции разболелась голова. К четвёртому — начало темнеть в глазах.

— Что со мной? — прошептала она, уткнувшись в учебник по литературе.

— А ты не догадываешься? — голос звучал почти ласково. — Я делаю тебя сильнее. А сильным можно стать только познав боль.

Она терпела. Сжала зубы, вцепилась ногтями в парту. Голова раскалывалась, как будто кто-то ввинчивал шило в висок.

— Силенция, ты слушаешь? — учительница остановилась посреди фразы про Раскольникова. Указка замерла в воздухе.

Она подняла глаза. И в этот момент из левого глаза прямо на учебник упала тёплая, красная капля.

— Что за... — прошептала она, глядя на расплывающееся пятно.

Она потёрла глаз — пальцы стали мокрыми. Кровь. На подушечке указательного пальца — тёмно-красное пятно. Она моргнула. Ещё одна капля упала на парту. Следом ещё. И вдруг потекло — не быстро, не ручьём, а так, будто кто-то открыл кран на минимальный напор. Тонкие дорожки поползли по щекам, по подбородку, за ворот школьной формы.

— У тебя кровь, — голос внутри засмеялся. — Идёт из глаз, Силенция. Это я. Я делаю тебе больно.

— Заткнись, — прошептала она одними губами.

— У неё кровь! — закричала с первой парты незнакомая одноклассница. — Из глаз!

— Вызовите скорую!

— Не трогайте её, вдруг заразно!

Силенция слышала всё. И сквозь это — голос мужчины, который теперь звучал внутри неё и снаружи одновременно. Он смеялся. Сыто, довольно, как кот, который наконец дождался, когда мышка сама выбежит.

— Силенция! — учительница наконец опустила указку и пошла между рядами. — Что с тобой? Тебе плохо?

Она хотела ответить. Открыла рот — и вместо слов из горла вырвался не то стон, не то рык.

Голоса в голове — все те, старые, фоновые, которые она привыкла не замечать, — вдруг взорвались одновременно. Детский плач, женский крик, неразборчивый шёпот, мужской смех. Всё вместе. Слишком громко. Слишком много.

Силенция схватилась за край парты и согнулась пополам. Мир поплыл. Кровь капала на пол, на учебник, на собственную ладонь, которой она пыталась закрыть лицо.

— Не подходите к ней! — заорал кто-то с задних рядов. — Это эпилепсия!

— Да какая эпилепсия, ты кровь из глаз видел?

— Отойдите, дайте воздух!

Силенция уже не разбирала слов. Только голоса. Все, что были внутри неё годами. И тот, мужской, который стал громче всех.

— Сейчас ты вырубись, — сказал он почти нежно. — А когда очнёшься — будет ещё больше. И так каждый день. Пока не придет подходящее время.

Она зажмурилась. Кровь заливала левый глаз, правый ещё видел. Парта, учебник, руки одноклассницы, которая протянула к ней салфетку и тут же отдернула.

И вдруг — тишина.

Резкая. Полная. Как будто кто-то выдернул наушники из ушей.

Голоса исчезли все. И старые, нитьё которых она научилась не замечать. И новый, мужской. Даже звон в ушах, который был с ней столько лет, что она считала его нормальным, — и тот пропал.

Силенция медленно подняла голову.

Перед ней стоял парень. Не из её класса. Форма чужая, с нашивкой параллельного потока. Он просто стоял и смотрел. Не пытался помочь. Не звал врача. Не отшатывался при виде крови.

Она посмотрела на него сквозь красную пелену. Он не отводил глаз.

— Ты... — прошептала она. Губы не слушались.

Парень наклонился ближе. Спокойный. Слишком спокойный. Как будто кровь из глаз — это самое обычное дело, которое он видит каждый день.

— Просто дыши, — сказал он тихо. — Я рядом.

В его голосе не было тепла. Не было страха. Не было ничего. Пустота. Но в этой пустоте не было и того голоса. Ни одного голоса.

Силенция закрыла глаза и провалилась в темноту.

Она очнулась от тишины.

Не от той, оглушающей, которая накрыла её перед тем, как отключиться. От другой. Тягучей, как смола. В ней не было голосов — ни старых, фоновых, ни того, мужского, который сводил с ума последнюю неделю. Но и покоя в ней не было.

Силенция открыла глаза.

Белый потолок. Белые стены. Запах хлорки и чего-то лекарственного, приторно-сладкого. Медпункт интерната. Она узнала его по выцветшим шторам и скрипучему полу.

— Очнулась, — голос медсестры прозвучал откуда-то сбоку. Женщина в белом халате склонилась над ней, пощупала пульс, заглянула в глаза. — Как себя чувствуешь?

Силенция хотела ответить, но горло пересохло. Она лишь облизала губы.

— Голова не кружится? Перед глазами всё плывёт?

— Тихо, — прошептала Силенция.

Медсестра не поняла.

— Что?

— Тихо, — повторила она громче. — Почему так тихо?

Женщина переглянулась с кем-то за спиной Силенции. Потом пожала плечами:

— Шок после приступа. Бывает. Полежи ещё.

Она вышла. Щёлкнул замок — или просто закрылась дверь. Силенция осталась одна.

Тишина давила. Не так, как голоса — те хотя бы заполняли пустоту. А эта просто висела в воздухе, как туман. Силенция сжала пальцы на простыне и прислушалась к себе.

Ничего.

Даже привычного звона в ушах, который был с ней столько лет, что она считала его частью себя. Всё исчезло. И это было страшнее, чем кровь из глаз.

— Ты здесь? — шепнула она в пустоту.

Молчание.

— Я знаю, что ты меня слышишь.

Ничего.

— Испугался? — она усмехнулась — горько, без радости.

Тишина не отвечала.

Силенция закрыла глаза и попыталась вспомнить, что случилось перед тем, как она потеряла сознание. Урок литературы. Кровь. Одноклассницы кричат. Учительница белая как мел. А потом — парень.

Она резко села на кровати.

Парень. Чужая форма. Спокойное лицо. И глаза, которые не отводили в сторону, даже когда кровь текла по её щекам.

— Он приходил? — сказала она в пустую палату.

Никто не ответил.

Силенция опустила ноги на холодный пол. Форма — её собственная, на спине — пятна крови. Кто-то переодевал её, пока она была без сознания. Противно. Она накинула халат, висящий на спинке стула, и вышла в коридор.

Медпункт находился на первом этаже, в дальнем крыле. Здесь всегда было пусто. Старые лампы мерцали, и по стенам плясали длинные тени.

Силенция прошла до конца коридора, толкнула дверь, ведущую в главный корпус, и замерла.

Он стоял у окна.

Тот самый парень. Другой формы, другого потока. Он не обернулся, когда она вошла. Просто смотрел на серое небо за стеклом.

— Ты меня ждал? — спросила Силенция.

Парень медленно повернулся. Спокойное лицо. Тёмные волосы. Глаза без блеска — ни злые, ни добрые. Пустые. Как комната, из которой вынесли всю мебель.

— Знал, что ты придёшь, — сказал он.

— Кто ты?

— Ян.

Она хотела спросить что-то ещё, но вдруг заметила: голоса не вернулись. Ни старые, фоновые. Ни тот, мужской. Было тихо. Очень тихо. Так тихо, как не было никогда.

Силенция посмотрела на Яна. Он стоял и смотрел на неё.

— Что... — начала она, но не закончила.

Из-за поворота коридора вышли двое. Учитель физкультуры и завуч. Они двигались быстро, целенаправленно.

— Вот она, — сказал завуч, увидев Силенцию. — Девочка, ты почему из медпункта ушла? Тебе нужен покой. Идём обратно.

Силенция обернулась к окну.

Яна не было.

Она замерла. Пыталась понять — куда он мог деться за три секунды? Но взрослые уже взяли её под локти и повели в сторону медпункта.

Она не сопротивлялась. Только всё смотрела назад, на пустой коридор и окно, у которого только что стоял парень.

— Закрой глаза, — сказал завуч. — Ты вся бледная.

Силенция послушалась.

И в темноте, за закрытыми веками, голоса вернулись. Сначала шёпотом. Потом громче. А потом тот, мужской, засмеялся — тихо, едко.

— Понравился он тебе? — прошептал голос. — Пустые опасны, Силенция. Они сходят с ума от своей тишины. Готовы на всё, лишь бы услышать хоть что-то. Хотя бы крик. Хотя бы боль. Даже чужую.

— Заткнись, — мысленно сказала она.

— А ты заставь, — усмехнулся голос. — Но помни: когда пустой найдёт свой звук — он уже не отпустит.

Силенция открыла глаза. Взрослые вели её по коридору. Впереди — дверь медпункта. Позади — пустота.

Она ничего не ответила голосу.

Но запомнила: тишина пришла вместе с Яном. И ушла вместе с ним.

Глава 2. Ты на верном пути

Когда Силенцию вернули в палату медпункта, медсестра ахнула.

— Господи, что это?

На стене, над кроватью, ярко-красной краской — пахнувшей дешёво и противно — было выведено:

«Ты на верном пути»

Буквы кривые, торопливые. Кое-где краска потекла, оставляя ржавые разводы.

— Это кто здесь баловался? — завуч нахмурился, оглянулся на дверь. — Я сейчас выясню.

— Может, кто-то из старшеклассников, — предположила медсестра. — Вечно им неймётся.

Они смотрели на стену, на Силенцию, снова на стену. А она стояла и не могла отвести взгляд. Не от страха. От ощущения: надпись адресована именно ей. Кто-то знал. Кто-то смотрел.

— Сейчас сотрём, — сказала медсестра.

Краска смылась не полностью. На стене осталось размытое красное пятно — бледное, расплывшееся, похожее на старый шрам. Оно висело прямо напротив кровати девушки, как глаз. Как напоминание.

Когда взрослые ушли, Силенция легла и уставилась в потолок.

— Не верь, — вдруг сказал мужской голос. Тихо. Без обычной насмешки. — Это ловушка.

— Для кого?

— Для тебя.

Она ждала продолжения. Но он замолк. Только через минуту добавил:

— Попробуй найти его. Я посмотрю. Только не говори потом, что я не предупреждал.

— Кого? Яна?

Голос не ответил. Он исчез, оставив после себя только тяжёлую, давящую тишину. Не ту, пустую, которая была с Яном. А ту, тревожную, когда ждёшь удара и не знаешь, с какой стороны он придёт.

Силенция закрыла глаза и уснула. Но красное пятно она видела даже сквозь веки и сон.

В медпункте Силенция провела один день.

Врачи сказали — истощение, стресс, нужен покой. Но уже на следующее утро её выпи-сали. Красное пятно на стене так и осталось — размытое, бледное, похожее на старый шрам.

Следующие три дня она искала Яна.

Спрашивала у старшеклассников. Смотрела по углам. Сидела на переменах у окна, выходящего во двор. Он не появлялся.

— Ищешь его? — спросила соседка по комнате. — Многие ищут. Только толку? Он как рыба. Ни тепла, ни слова.

— Где он бывает? — спросила Силенция.

— Иногда после уроков на заднем дворе стоит. У забора. Если повезёт — найдёшь.

На следующий день пошёл дождь.

Силенция вышла на задний двор, промокла за минуту. Хотела уже уйти — и увидела.

Ян стоял у забора, лицом к лесу. Дождь мочил его волосы, стекал по лицу, но он даже не поёжился. Стоял как каменный.

Силенция подошла и встала рядом. Голоса стихли — до приятного фонового шума.

— Ты меня искала? — спросил он, не оборачиваясь.

— Откуда ты знаешь?

— Меня многие ищут, — он повернулся. Тёмные волосы прилипли ко лбу. Скулы острые. Глаза — пустые, но красивые. Капли дождя повисли на ресницах. — Приходят. Чего-то хотят. Потом уходят.

— Чего, например?

— Разного. В основном девушки. Признаются. Ждут ответа.

Силенция сжала кулаки. Не потому, что боялась. Потому что внутри шевельнулось что-то липкое, неприятное. Неужели ревность? К кому? К незнакомым девушкам?

— И что ты им отвечаешь? — спросила она.

— Ничего. Зачем врать, если не чувствуешь?

Она должна была обрадоваться. Но почему-то стало обидно. За тех девушек. За себя. За эту глупую секундную слабость.

— А ты всегда такой холодный?

Ян посмотрел на неё долго. Потом усмехнулся — первый раз за всё время. Усмешка вышла кривой, неживой. Дождь застучал громче.

— А ты всегда такая любопытная, Силенция?

Она вздрогнула. Он назвал её полное имя. Не переврал, не сократил.

— Ты помнишь, как меня зовут?

— Слухом земля полнится, — он отвернулся к лесу. — У тебя здесь репутация, между прочим. Странная девочка, которая слышит то, чего нет.

Силенция замерла. Сердце пропустило удар.

— И ты тоже так думаешь?

— Я вообще ничего не думаю, — Ян пожал плечами. — Я просто замечаю. У тебя лицо меняется, когда вокруг слишком много людей. Бледнеешь. Строишь в одну точку. Как будто слушаешь кого-то, кого не видно.

— Это не так, — соврала она. Голос дрогнул. Она ненавидела себя за эту дрожь.

— Мне всё равно, — он поднял лицо к дождю. Закрыв глаза. Дождь хлестал по щекам. — Знаешь, почему идёт дождь?

— Потому что облака? — растерянно ответила Силенция.

— Нет. Потому что земле становится слишком тяжело держать всю боль, которую ей скормили. И она плачет. Просто не умеет иначе.

Он открыл глаза. Посмотрел на неё. И вдруг его лицо дрогнуло — на секунду, неуловимо.

— Ты — как дождь, Силенция. Тоже не умеешь иначе.

Она не поняла. Хотела спросить, но он уже сделал шаг в сторону здания.

— Я хотела сказать тебе спасибо, — тихо сказала она. Слова вышли сами собой, без разрешения.

Ян остановился. Не обернулся.

— Спасибо не носят три дня, — бросил он через плечо. — Приходи завтра. Если хочешь.

И пошёл. Не оглянулся. Дождь заливал его спину, но он шёл медленно, не прячась.

Силенция смотрела ему вслед. Голоса вернулись — тихие, привычные. Но она почти их не слышала. Внутри шумело своё.

— Ну как он тебе? — раздался мужской голос. Снова насмешливый, скучающий.

— Я думала, ты замолчал навсегда, — сказала она вслух.

— Скучно стало, — ответил он. — Наблюдать за тобой и молчать — слишком легко. Хочется комментировать.

— Зачем ты сказал «попробуй найти»? — спросила Силенция.

— Я хотел посмотреть, что будет, — голос звучал почти честно. — Любопытно. Пустой и та, кто слышит. Что может пойти не так?

Он засмеялся. Тихим, колючим смехом.

Силенция сжала кулаки и пошла в здание. Дождь хлестал по лицу, смешиваясь со слезами усталости.

Красное пятно в медпункте она видела даже сейчас — перед глазами.

«Ты на верном пути».

Но куда ведёт этот путь — она не знала.

Глава 3. Не проси меня замолчать

После той встречи под дождём что-то изменилось. Силенция не знала — что именно. Но почувствовала спиной взгляды.

В столовой за её спиной шептались. В коридоре толкали плечом. На двери комнаты кто-то написал мелом: «Убирайся».

— У тебя популярность растёт, — прокомментировал голос. — Скоро очередь до автографов дойдёт.

— Хотя бы ты замолчал иногда, — устало ответила Силенция.

— А что я? Я молчу. Просто смотрю, как ты стремительно завоёвываешь любовь одноклассников.

В столовой, когда она села за свободный стол, кто-то громко сказал:

— Смотрите, психованная пришла. Ещё бы голосов своих нам подкинула.

Силенция сжала кулаки. Не ответила.

— Молодец, — усмехнулся голос. — Терпи. Скоро они пожалеют.

Вечером в комнату заглянула воспитательница.

— Твоя соседка уехала. Домашнее обучение. Теперь здесь будет жить новенькая.

— Вот это поворот, — шепнул голос. — Соседка-сбежавшая, соседка-прибежавшая.

В комнату вошла девушка. Светлые волосы, большие глаза, улыбка — слишком широкая, слишком навязчивая.

— Привет! Я Алиса! — выпалила она. — А ты Силенция, да? Мне о тебе рассказывали. Ты тут уже давно? А что это у тебя за надпись на стене? Красное пятно? Страшно выглядит. А у тебя есть друзья? А парень?

«Она всегда такая?» — спросил голос. «Или это только при тебе?»

«Не начинай», — подумала Силенция.

— Я слышу, — усмехнулся он. — Но ты не сказала вслух. Прогресс.

Алиса разложила вещи, не переставая болтать. Силенция молчала.

— А этот парень, Ян... — Алиса наклонилась к ней. — Ты его знаешь? Он красивый, да? Вы встречаетесь?

Силенция почувствовала, как внутри что-то кольнуло.

— Не твоё дело, — сказала она.

— Ой, не злись, — Алиса отодвинулась. — Я просто интересуюсь.

— Влюбилась, — прошептал голос. — С первого взгляда на пустое место. Жалкое зрелище.

— А ты можешь меня познакомить? — не унималась Алиса.

— Нет.

— Ну пожалуйста!

— Она прилипла, — констатировал голос. — Как репей. И не отодрать.

Силенция ничего не ответила. Ни ему, ни Алисе.

Ночью Силенция не спала.

В коридоре скрипнула половица. Она прислушалась. Тишина.

Утром, открыв дверь, она увидела конверт. На нём — ни имени, ни адреса. Только её фамилия.

Внутри была фотография.

Они с Яном стоят у забора. Снимок сделан с расстояния, через ветки. Кто-то стоял в лесу и наводил объектив.

— Красивый ракурс, — прокомментировал голос. — Профессионально. Может, это у тебя поклонник?

Силенция промолчала.

Она перевернула фото.

На обороте — надпись. Чёрная ручка, уверенный почерк:

«Ты заводишь нужных друзей»

— «Нужных друзей», — повторил голос. — Интересно, он про себя или про Яна?

— Ты знаешь, кто это? — спросила она шёпотом.

— Понятия не имею, — голос звучал почти честно. — Но у него хороший вкус. И терпение. Очень много терпения.

Она спрятала фото под подушку. Алиса спала, свернувшись калачиком.

— Можешь не благодарить за то, что я не разбудил её своим комментарием, — добавил голос. — Сочтёмся.

Силенция ничего не ответила

Утром Силенция выскользнула из комнаты, надеясь уйти одна.

— Ты куда? — раздалось сзади.

Алиса стояла в дверях, уже одетая.

— Гулять.

— Я с тобой!

— Не надо.

— Мы же подруги! — Алиса улыбнулась. — Я не отстану.

— Она не отстанет, — эхом отозвался голос. — Смирись.

Они пошли через двор. Алиса щебетала без остановки.

Ян стоял на месте. У забора. Как всегда.

— Привет! — закричала Алиса. — Я Алиса! Мы не знакомы, но я слышала про тебя!

Ян даже не повернул головы.

— Он в своей тарелке, — прокомментировал голос. — Общительный, как рыба.

Силенция подошла ближе.

— Нам нужно поговорить, — сказала она тихо.

— О чём? — спросил Ян.

— О...

— Ты откуда приехала? — перебила Алиса. — Тебе нравится здесь? А чем ты занимаешься?

Ян посмотрел на неё. Пусто.

— Ты шумная, — сказал он.

Алиса замерла на секунду, но потом снова улыбнулась.

— Она не уймётся, — прошептал голос. — Я бы на его месте молчал тоже.

— Чем ты любишь заниматься? — спросил Ян. Голос его был ровным, пустым, но Алиса расцвела:

— Я люблю читать! И гулять! И разговаривать! Очень люблю разговаривать! А ты?

Она ушла в долгий рассказ. Ян смотрел поверх её головы на Силенцию.

Одними губами он сказал: «Иди».

Силенция поняла. Она развернулась и пошла в лес.

— Оставила пустого с говорливой, — прокомментировал голос. — Рискованно. Он может сбежать.

— Замолчи, — тихо сказала она.

— Хорошо, — неожиданно легко согласился он. — Посмотрим, как ты справишься без моей мудрой поддержки.

И замолчал.

Она нашла место быстро. Трава примята. Чужая тень.

На земле — окурок.

А рядом — сложенный листок бумаги.

Силенция развернула. Буквы выцветшие, кое-где расплывшиеся.

«Боль приносит очищение. А ты принесёшь мне любовь своей болью».

— Ну как тебе? — раздался голос. — Я обещал молчать, но не удержался.

— Ты знаешь, кто это?

— Нет, — ответил он. — Но ему не нужны цветы. Ему нужна твоя боль. Ты не думала, что это странно?

— Думала.

— И что решила?

Силенция не ответила. Спрятала записку в карман.

— Почему ты тогда замолчал, когда я просила? — спросила она. — Обычно ты не слушаешься.

— А я и не слушался, — голос усмехнулся. — Я просто хотел посмотреть, как ты будешь искать без моих комментариев.

— Ты мог помочь.

— Я помогаю, — сказал он. — Просто не так, как тебе хочется. Я здесь, чтобы ты не сходила с ума от одиночества.

— Только чтобы издеваться?

— И чтобы придерживать других, — голос стал серьёзнее. — Ты думаешь, твои старые голоса — те, фоновые — они всегда такие тихие? Нет, Силенция. Я их придерживаю. Я — тот, кто стоит между тобой и шумом.

Она замерла.

— Что значит «придерживаю»?

— А ты не замечала? Раньше они были громче. Когда я появился, они отошли на второй план. Я не даю им разорвать тебя изнутри. Но если ты продолжишь просить меня заткнуться... я могу перестать стараться.

— Ты угрожаешь?

— Предупреждаю, — поправил он. — Без меня ты останешься одна с толпой в голове. А они, знаешь ли, не такие вежливые, как я. Никакой насмешки, никакого диалога. Только крик. И кровь.

Силенция сжала кулаки.

— Ты не посмеешь.

— Проверишь? — голос усмехнулся. — У нас ещё будет время. Но советую не злить того, кто стоит на страже твоего покоя.

— Ты не страж.

— А кто? — он засмеялся. — Пустой? Он забирает голоса, но не надолго. А я здесь всегда. Так что давай договоримся: я не включаю их полностью, ты не просишь меня заткнуться. Идёт?

Силенция промолчала.

— Считаю, что да, — подвёл итог голос. — А теперь иди. Тебя там пустой заждался.

Она собрала окурок и записку и пошла обратно.

Силенция вышла из леса. Ян уже ушёл. Алиса сидела на земле, обняв колени.

— ...а он такой загадочный! Ты видела, как он на меня смотрел? Он точно мной заинтересовался!

— Видела, — ответила Силенция. — Он на тебя смотрел, как на пустое место.

— Ты просто завидуешь, — Алиса вскочила. — Он со мной говорил! Дольше, чем с тобой!

— Спорить с дураком — себя не уважать, — прошептал голос. — Идём в комнату.

Силенция пошла. Алиса побежала за ней.

— Что ты искала в лесу? А где Ян живёт? А почему он с тобой разговаривает?

— Устала, — сказала Силенция. — Поговорим завтра.

Алиса надулась, но замолчала.

Ночью, когда соседка уснула, Силенция достала фото и записку.

Смотрела на надпись: «Ты заводишь нужных друзей».

Думала о второй записке в лесу: «Боль приносит очищение».

— Кто-то наблюдает, — сказала она вслух.

— Кто-то очень настойчивый, — ответил голос. — И терпеливый. Это пугает.

— Ты знаешь, кто он?

— Понятия не имею, — голос усмехнулся. — Но у него отличный вкус на углы. И на друзей тоже.

— И не перестанет?

— Сомневаюсь. Такие люди не останавливаются. Спи, Силенция. Завтра будет новый день. И новые вопросы. И, пожалуйста, без «заткнись». У меня от этого слова голосовая усталость.

Она почти

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.